

Л.Д. Серова

ИЗБРАННОЕ

Стихи

**Люберцы
2016**

УДК 82-1
ББК 84Р1-5
С329

Серова Л.Д. Избранное. Стихи. 2016. 244 с.

ISBN 5-86676-108-4

© Серова Л.Д., 2016

Людмила Дмитриевна Серова

О Людмиле Дмитриевне Серовой

Людмила Серова (Нестругина) родилась в городе с удивительным именем Спас-Клепики.

«Город с названием странным смешным
С моим рождением связан
Но славой своей среди русских равнин
Есенину он обязан».

Окончила факультет иностранных языков Московского пединститута.

С 1976 года – член лито при писательской организации в г. Орле. С 1994 г. – член Союза литераторов России. После переезда в Москву несколько лет работала в Государственном музее В.В. Маяковского.

К 70-летию Победы была издана книга Л. Серовой «Отцовский пиджак».

Это не первая книга автора: 15 сборников стихов Л. Серовой были изданы в Орле, Туле, Москве, Шатуре, в других городах.

Творчество поэтессы отмечено пронзительной чистотой зрения и тихой жалостью ко всему живому на земле. Ее стихи идут не от умозрительности, а от пережитого, от желания высказать свое заветное. И то, что они выражены живым трепетным словом, говорит об активности жизненной позиции автора.

В 2013 г. правление Союза литераторов выдвинуло книгу стихов Людмилы Серовой «Из Петиного детства» (Стихи для детей. М.: 2012, 48 с. с.: илл.) на премию Антона Дельвига в номинации Детская и юношеская литература. Герой книги – любознательный и неутомимый мальчик Петя, он задает много вопросов взрослым: «Спрашиваю взрослых: / Есть у солнца дети?/ «Ты опять с вопросом?/ Выдумщик ты, Петя. / Зеркальце стальное/ выну из кармана, /Солнышко смешное/ наведу на

маму. / «Нет покоя мальчику», / Мама за-
смеется.../ Почему же зайчиком / Сол-
нышко зовется?».

Стихи Л. Серовой отмечены поощри-
тельными отзывами известных, близких ей
по духу поэтов: Владимира Соколова, Ни-
колая Старшинова, Валентина Берестова.

Людмила Дмитриевна Серова Государ-
ственный стипендиат в номинации «Вы-
дающийся деятель культуры и искусства
России».

**Основные поэтические сборники Люд-
милы Серовой:**

Дымчатые росы, 1991; Ольховая тень, 1993;
Взойду на холм и посмотрю окрест, 1995;
Приют любви, 1998;
И жизнь, и слезы, и любовь, 2000;
У родных корней, 2001;
Земная словесность, 2011,
«Из Петиного детства». Стихи для детей.
2012. – 48 с.: илл.

Отцовский пиджак. 2015.

Постоянный автор альманаха «Словесность», газеты «Литературные известия», альманаха «Орловский край».

Нина Давыдова,

координатор Союза литераторов России

Дмитрий Цесельчук,

поэт, переводчик, сопредседатель Союза
литераторов России

Зачем я должен радость этой муки,
Вот этот небосклон, и этот звон,
И темный смысл, которым полон он
Вместить в созвучия и звуки?
Я должен взять — и, разгадав, отдать...
И.А. Бунин

Эти строки Бунина как нельзя лучше характеризуют стихи Людмилы Серовой.

Именно так чувствует она свой творческий долг: увидеть скрытую поэзию жизни, «вместить в созвучия и звуки», и отдать тому, кто может сострадать...

Чистой и чуткой душой поэт воспринимает и передает в стихах и радость и боль далеко не легкой жизни. Без жалоб и причитаний, без изысков и красотостей, часто встречающихся в женских стихах, ее поэзия трогает сердце. При всей непосредственности и простоте стихотворения подкупают внутренней гармонией образов и смысла. В поэзии Людмилы Серовой оживают кар-

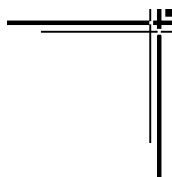
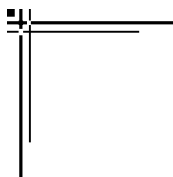
тины тяжелого трагического военного детства. Для автора оно живо и по сей день.

Поэт откровенно признается в том, что «не слабеет от времени памяти сила, / Все живее черты дорогого лица». В стихах о войне легко впасть в жестокий романс или героическую риторику. В творчестве Людмилы Серовой такого категорически нет, а есть камертон хорошего вкуса, поэтического слуха, не допускающего фальши, и в результате этого стихам веришь безоговорочно.

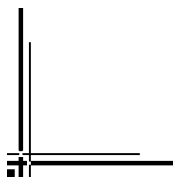
Радость от хороших стихов пересиливает и горе и трагизм прошлого. А это признак настоящего искусства.

Спасибо, Людмила Дмитриевна, за Ваше творчество.

Александр Петрович Сыров – поэт, афорист, критик, 1-ый зам. председателя Московской организации Союза литераторов России

ДОГОРАЮЩИЙ КОСТЕР

* * *

Вечны споры о жизненном смысле,
Счастлив тот, кто не ищет его,
И как ведра на коромысле,
До слепого конца своего

Носит зло и добро терпеливо,
Не боясь без нужды расплескать,
И душою своей незлобивой
Верит в божескую благодать.

* * *

Ни о чем бы не думать на грешной земле,
Лишь о небе в лазурных просветах.
Ничего бы не слышать о вкрадчивом зле,
О безумной войне, о наветах...

Терпеливое небо и ночью и днем
Видит землю в изломах и шрамах
И молящихся не о хлебе одном
В золотых и тускнеющих храмах.

Возвращается вера на круги своя,
Я шепчу позабытые речи.
Не доходит до неба молитва моя —
Гаснут недогоревшие свечи.

* * *

Когда смятения полна,
Ты ищешь в небесах ответа,
А там сплошная тишина,
Сквозь облака не видно света,

Тогда войди в ближайший храм,
Открытый для святых и грешных,
И обращаясь к образам,
Скажи о горе безутешном.

Ты не услышишь ничего,
Но свет войдет незримо в душу,
Дойдет до сердца твоего
И слезы медленно осушит.

И не старайся лишь в себе
Нести тяжелый груз печали. —
Одной мы преданы судьбе,
Кто носит крест и кто медали.

Тень

На тень свою смотрю и выпрямляюсь:
Стройнее и прямее стать стараюсь.
Как пес, она верна и молчалива,
Не просит денег на еду и пиво,
И вдруг мгновенно скроется во тьме,
Что у нее не знаешь на уме.
То повторяет все мои движения,
То в зеркале – пустое отражение.
Порой – спасение от одиночества,
Тогда обнять ее захочется,
Но только руки к ней я протяну,
Я пустоту во тьме лишь обниму.
Двойник ли это молчаливый мой
Или играют свет и тьма со мной?

Если

Чужих ошибок не прощаешь
Своим находишь оправданье,
Залетной бабочкой летаешь
Над суетою мирозданья. —

Невзрачную канву плетешь
Для жизни, где удачи зыбки,
Ты несомненно доживешь
До беззастенчивой улыбки.

Дерево

Упало дерево. Оно
Ветвями окна доставало,
И пусть в квартире уж давно
От листьев света было мало,

Вдруг пусто стало за окном.
Не прикоснутся к стеклам ветки.
«И у деревьев жизнь, как сон», —
Сказала я своей соседке.

И мне вдруг стало не до сна,
И грусть душою овладела...
А на дворе была весна,
И все кругом цвело и пело.

* * *

С одним открыта, как цветок
После ночного сна,
С другим закрыта на замок,
Будь он или она.
Веду я с третьим речь притворно
С лукавой простотой,
С четвертым быть мне тошнотворно,
Пусть я – грешна, а он – святой.
Как можно осуждать других,
Когда сама я – слепок с них.

* * *

Ни деревья, что рядом со мною всегда,
И не разум, что держит в узде мое тело,
Не способны предвидеть, откуда, когда
К нам нагрянет неожиданно ураган оголтелый.

Может быть, в этом наше спасенье – не знать
Жить и жить, как ни в чем не бывало
И смотреть, как птенца птица учит летать,
Чтоб осенняя стужа в гнезде не застала.

О пластических операциях

Чем наградил господь нас – свято.
И если ты лицо заменишь,
Оно – как к рубищу заплата
И суть свою ты не изменишь.

Фонарь

Фонарь под глазом. Мне до фонаря.
Офонарели. Что фонаришь зря?...
Фонарь горел слабее, чем заря,
Не зная, сколько тем от фонаря.

* * *

Думала эта снежинка – звезда.
Вместо нее на ладони – вода.
Думала, долго любовь не проходит,
Вижу теперь: постоянство не в моде.

Думала, вечною будет семья,
Из пятерых только здравствую я.
Думала, будет дорога чиста,
Но не сбылось: позабыли Христа.

Вспомнили. Молимся. Горкой спина.
Может быть, будет счастливой страна.

* * *

Ты говоришь, не всеми мол любима,
С кем находила душ родство,
И цель твоя была неодолима —
Познать любви всеобщей торжество.

И впрямь: когда полна ты ею,
Ни на кого в тебе обиды нет.
Что мне тебе ответить? Сожалею,
Ведь я — недоказательный поэт.

Но власти примирительного слова
Я подчинила б все сердца
Так, чтобы каждая душа была готова
Любить и быть любимой до конца.

Ссоры везде: на работе и дома.
Спичку зажгу – полыхает солома.
Боже всевидящий, что с нами стало?
Глупая, спичку зачем зажигала?

Богатство потерял – ты потерял немного.
Лишился чести вдруг – судим ты будешь строго,
Но если мужество покинуло тебя,
Всего лишил ты сам себя.

* * *

Коль занят он не тем, что знает,
А чем владел, пренебрегает,
Едва ль добьется он успеха.
Упрямство – каждому помеха.

* * *

Души людские влаге подобны:
К земле устремляются, к небу восходят,
И вновь опускаясь к земле с небосвода,
Уж речи о доме небесном заводят.

Пробуждение

Кончается еще один сезон,
Близка весна, за нею лето...
Над головою слышу мерный звон
И вижу в небо крест воздетый.

Звук близок ритму сердца моего
И проникает глубоко мне в душу.
Я до конца бы поняла его,
Когда бы научилась слушать...

Уже умолк. На розовом снегу
Все ярче, голубее тени.
Зачем спешу, куда я так бегу,
Не преклонив перед Творцом колени?

* * *

Не научусь я тихо, просто жить.
Как будто сговорились люди
Мне о своем печальном говорить
Или о том, что всем печальней будет.

И жизнь не та, и все для них не так.
От вялых лиц холодным мраком веет.
И не спасают Пушкин, Пастернак,
Ни Блок, ни Бунин, ни Асеев.

Электричка

Спешит электричка, как в прежние дни
Все те же вагоны и скорость.
А за окном освещают огни
Заборы, деревья и поросль.

И так же людьми переполнен вагон,
Но ни разговора, ни смеха.
Лишь кто-то из сумки возьмет телефон
И скажет кому-то: «Приехал».

Доеду и я до знакомых берез,
Что ветви склонили к балконам,
И буду смотреть до сияния звезд,
Как с небом сливаются кроны.

Сны

Я в сон погружаюсь – в небытие.
Лишь миг между жизнью и смертью.
Но ровно дыхание жизни мое,
Душа не готова к бессмертью.

Мне чудо являют неясные сны:
Я снова в местах незабвенных,
Родные умершие воскрешены,
И я в их объятьях нетленных...

О, если б могла я, надежды полна,
Увидеть родных моих снова,
Об этом моля всемогущего Сна,
Была бы я к встрече готова.

* * *

Чем укрепляем дух тревожный
Мы на закате наших дней
И в суете неосторожной
Что ищем в памяти своей?

Не утешают нас мгновенья
Счастливых встреч, удач, обнов,
Ни времени препровожденье
Среди известных остряков,

Ни многотрудные деянья,
Ни сладкий миг былых страстей...
Нам дорого воспоминанье
Победы совести своей.

В электричке

И вот я опять в электричке
В родном подмосковном краю,
И та же колес переключка,
И те же деревья в строю...

Все ближе моя остановка,
Наш дом опустевший и сад.
И грустно, и как-то неловко,
И сладко колеса стучат.

Высохшая речка

Над речкой высохшей покой –
Ничто не движется, не ропщет.
Склонилась ива головой
Над нею, словно над усопшей.

И смотрит в грусти небывалой
Сквозь пряди облака луна
На зеркало под покрывалом
Из тины у речного дна.

Распродажа

Осень торгует цветистою пряжей:
Листьями ясеней, кленов, берез.
И весела, и грустна распродажа:
Мал на товар выгорающий спрос.
Мы же с тобою восторженным взглядом
Пряжу пытаемся вытянуть в нить.
Будем с осенней окраской наряды
В белую зимнюю стужу носить

У дома Лизы Калитиной

Вдыхая с грустью аромат знакомый
Тургеневского повествованья,
Порой стоим перед дворянским домом,
Окутанным туманностью преданья.

Сквозь шорохи страниц восходит к нам
Незримо образ девы благочинной,
С мольбой спешившей в благодатный храм
С любовью в сердце, страстном и невинном.

Здесь, кажется, о времени былом
Слагает ветер песню над обрывом,
И с благодарностью ему внимает дом,
Завороженный родственным мотивом.

Рождество

Строй служителей блистает
Облачением золотым,
И толпа, молясь, вдыхает
Благовоний легкий дым.

Звуки медленных канонов,
Благозвучных тропарей
Льются в души от амвона
До распахнутых дверей.

Торжествует вся природа,
В иней кипенный одета,
Ожидая с небосвода
От святой звезды привета

В час, когда в яслях дубовых
Возлежал посланник Бога
И не знал, что так сурова
В Небеса его дорога.

* * *

Взгляну на небо – ни морщины,
Ни пятнышка, ни сорняка.
Метаморфозы в яркой сини
Собой являют облака.

И тешится воображенье
Вдали от мелочных забот,
Но миг чудесного общенья
Незамедлительно пройдет.

И я внезапной мысли ради
Склоняю долу светлый лик,
Здесь скользких водорослей пряди
Купает вдумчиво родник.

Весенние приметы

Из снега выросла скамейка,
Ручей на солнечной дорожке.
Ворон голодная семейка
Клюет рассыпанные крошки.

Все залито нежнейшим светом:
Душа, деревья, поднебесье.
Вот-вот и зазвенит дуэтом
Пернатых радостная песня.

О Баратынском

За звуки звуками и за мечты мечтами
Он был судьбой вполне вознагражден,
Не думая в стихах о будущем племен
Живет он и поныне с нами.

«Мой дар убог, и голос мой негромок» –
В строке поэта жалоба звучит,
И в смысл ее, что был от нас сокрыт,
С годами вник признательный потомок.

Не без уныния он жизни суть постиг,
И мыслями глубокими богатый,
В своих стихах среди своих собратьев
Запечатлел неповторимый лик.

* * *

Соловьи, соловьи, не чужая вам я, не чужая.
Знаю я: о любви вы поете, сердца обнажая.
Тополя за окном, не чужая вам я, не чужая,
Понимаю, о чем вы грустите,
листву провожая.
Облака в вышине, не чужая вам я, не чужая,
Расскажите вы мне, что уносите, плыть
продолжая?

* * *

Небо заштриховано ветвями.
Галка, словно пойманная в сеть,
В сумерках с фонарными огнями
Впору элегическое петь.

Но когда блеснут рассветной силой
На востоке первые лучи,
Сердце позабудет об унылом
И в мажорном ладе застучит.

Я тогда отдам себя работе
Не наживы ради, а за так,
Чтоб хватило для души и плоти
Сил одолевать вечерний мрак.

Облака

Мир облаков широк, объемён,
Как жизнь, расплывчат и богат.
На их меняющемся фоне
Свободно ласточки парят.

И притяжением незримым
Они приковывают взгляд.
Как мы, они неповторимы, —
Не возвращаются назад.

Ночь

Ни звезды, ни огней самолета.
Тишина, как внезапная весть.
В окнах – медленно блекнущих сотах
Угасания признаки есть.

И с глухим нарастающим страхом
Вижу я, словно тяжкие сны,
Как деревья в истлевших рубахах
Ждут расправы, не зная вины.

Как высокие в чинном порядке
Без царя в голове фонари
Только в круге своем без оглядки
Тускло светят до новой зари.

* * *

Кому – любви постель,
Кому – тюрьма,
Кому – зимы метель,
Кому – сума,

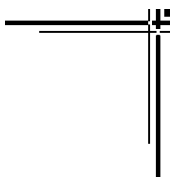
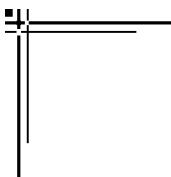
Кому – священный храм
Кому – бардак,
Кто близок к мудрецам,
А кто дурак...

Но страха все полны,
Как только занежем.
Пред смертью все равны,
Как свечи в храме божьем.

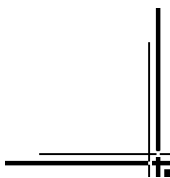
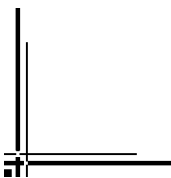
Догорающий костер

Уж искры все скупее, строже
Недолгий оставляют свет.
Стал каждый уголек дороже,
В себе несущий слабый свет.

Пора еще не миновала
Продлить свечение углей,
Чтобы душе светлее стало
Не только, может быть, моей.

У РОДНЫХ КОРНЕЙ

* * *

С годами все чаще мне снится село,
Где в радостях малых и бедах
Тревожное детство мое протекло
До звуков салютных Победы.

Слабо было Летовку в зной переплыть,
У берега полную ила,
Ботанику в поле, не в школе учить,
Ольховые делать чернила.

Смолистый целительный девственный лес,
Где жили красивые звери,
Был полон припасов съестных и чудес,
Смягчал мою боль от потерей...

О родина, сердца извечный приют!
Прошу я у щедрого Бога:
Пусть весело птицы в округе поют
И не зарастает дорога.

Из детства

Солнце белит занавески.
Стало в комнате светло.
Мама вымыла до блеска
Подоконник и стекло.

Кошка к маме подскочила,
Обвилась кольцом у ног.
В печке всходит, как светило,
Мамин праздничный пирог.

Я смотрю на свет в окошке,
Глажу теплую ладонь.
Понимаю: он от солнца
Мамин ласковый огонь.

Папа заблудился

Уж тени пали на траву.
Сосед загнал овец.
«Ау, – кричу, – ау, ау» –
Пропал в лесу отец.

Сбивая тапками росу,
Бегу без страха в лес.
Все гуще полумрак в лесу.
И тишина окрест...

Виски покрыло сединой,
А я кричу «Ау»,
Кричу во сне, как наяву:
Отец, вернись домой»

Бабушкино полотенце

Пахнет мятными леденцами
Полотенце в буфете на полке
С красно-черным узором тонким
По краям с кружевными зубцами.

Снова образ любимый, родной,
Разжигая погасшие годы,
Легким светом из памяти всходит
И ведет меня вслед за собой.

К полю с мягким синеющим льном,
В старый дом, где прохладные сенцы,
Где на прялке растет полотенце,
Что подарит мне мама потом...

* * *

Мне не забыть рассказы бабушки изустные
И полотенца с вышитой каймой,
И пироги румяные капустные
И деда со стамескою порой.

В углу иконы в простеньком окладе
И скорбные Спасителя глаза,
И деда, умирающего рядом,
Смотрящего с мольбой на образа...

Отцовский пиджак

Незаменимый отцовский пиджак
В нем, засучив рукава,
Сено грузила мать на чердак,
Ловко пилила дрова.

И вечерами, когда сквозняком
Стужа влетала в окно,
Не расставалась она с пиджаком,
Гладя рукою сукно...

Дом озарил отутюженный флаг,
Грянул салют в вышину.
Мама надела отцовский пиджак
И отвернулась к окну.

Прощание

Была трава в тот год по пояс,
И лес в плодах благоухал.
Мы собирали их на совесть
Не для родительских похвал.

Нас молнией пугали грозы,
Гремел неукротимо гром,
А мы, не чувствуя угрозы,
Несли плоды в наш мирный дом.

Гроза иная к нам подкралась,
Заволокла весь небосвод,
И мы забыли смех и шалость,
Узнав, что к нам война идет...

Мы с папой на траве сидели,
И слезы капали из глаз,
Когда в его глаза смотрели
В прощальный день в последний раз.

А он вдруг взял меня на руки
И каруселью закружил.
И расставание из муки
На миг в забаву превратил...

Потом унылый вид парома,
Щемящий папин взмах руки
И неотступный приступ дома
Любви, потери и тоски.

Последнее письмо

Листок изношенной бумаги,
Тебя надолго пережил.
Но сколько боли и отваги,
Отец, ты в нем соединил!

Здесь еле видимые строчки –
Завет семье прощальный твой –
Писались в нервный час отсрочки
Перед вступлением в смертный бой.

Под зевом вражеского дула,
Когда пытается душу страх,
Не о себе, о нас ты думал –
О подраставших дочерях.

* * *

Я не слышала гибельных взрывов,
Не видала сожженных домов,
Но в глазах моей памяти живы
Слезы жалких сирот – стариков.

И когда отгремели салюты,
Стихли песни победной весны,
Задавала вопрос поминутно:
«Мам, а больше не будет войны?»

Без отца

Вхожу в нетопленное здание.
Здесь почта. Мама на работе.
Дымками теплое дыхание
Летит ко мне при повороте.

И тут же улетает в сторону.
Там на скамейке угловой
Над похоронкою зареванной
Трясет старушка головой.

В тиши зашторенного здания
Лишь звук часов настенных жив,
И стрелок близкое свидание
Уносит мамин перерыв.
А дальше – вечер, словно каменный.
Мы все ложимся рано спать.
И будет ночью в спальне маминой
Фитиль гореть и потухать.

Похоронка

Мать одежды модной не носила,
Красотою броской не взяла,
Но любая ноша ей под силу
В годы испытания была.

А когда с фамилией своей,
На казенном встретила конверте,
Добрела безмолвно до дверей
И ушла на зимний колкий ветер.

А вернулась, стерла слез следы,
Наизнанку фартук свой надела
И жестяный чайник без воды
На горячих углях молча грела.

Щавель

Мы щавель за домом рвем.
День стоит ненастный.
Разгоняет тучи гром
Плетью ярко-красной

Вдруг становится темно.
Дождь идет по лугу.
«Не сдадимся все равно!» –
Говорим друг другу.

Кто в панаму, кто в платок
Рвем щавель примятый.
Наполняется мешок
Для борща солдатам.

Повар скажет: «Молодцы
Ребятишки наши.
Настоящие бойцы».
И положит каши.

Встреча с пленными

И вот они за окнами у нас.
И шепот с губ: «Картошка, млеко, квас».
Ни гордости, ни силы, только страх,
Что ненависть прочтут в моих глазах.
Я их в квартиру нашу не пустила,
Но каждого за дверью напоила
Из погреба холодным молоком.
И долго вспоминала я потом,
Как задрожала грязная рука,
Что потянулась к кружке молока.

* * *

Мне так мало осталось
От реликвий отца:
Фотографии старость
С юным светом лица,

В строчках стертые буквы
Фронтового письма,
Постаревшая кукла,
Как с годами сама.

Мне так много осталось,
Чтобы помнить о нем:
Внука резвого шалость,
Небо, Родина, дом.

* * *

Над папой – клевер полевой,
Над мамой – дятловые стуки.
Разъединенные войной,
Навек родители в разлуке.

Но часто на закате дня,
Когда друг друга мы встречаем,
То горе в памяти храня,
Вновь их сердца соединяем.

Отцу

Преклоню я колени перед братской могилой
И закрою глаза, чтоб увидеть отца.
До Победы три годы войны не дожил он.
У деревни чужой схоронили бойца.

С той поры мы вестей от тебя не слыхали,
Но все годы от нас отводил ты беду.
Посмотрел бы теперь на родимые дали,
На сирень перед окнами в нашем саду.

Посмотреть бы тебе на полковника внука
И с погонами правнука – твой у них взгляд.
Не становится легче с тобою разлука,
И вдали разорвавшийся страшен снаряд.

Преклоню я колени перед братской могилой
И закрою глаза, чтоб увидеть отца.
Не слабеет со временем памяти сила,
Все живее черты дорогого лица.

* * *

Вот снова улица моя.
Здесь тишь, как на погосте.
Никто не спросит, кто ты, чья,
Не перемоем кости.

Но, наконец, попалась мне
Знакомая старуха.
Как на закатный луч в окне,
Смотрю в лицо: «Раюха!»

Мы с ней ходили в первый класс
В далекий год суровый.
Семья жила получше нас:
У них была корова.

Глядели, помню, жадно мы
На блин большой и белый,
Что возникал луной из тьмы
При классе онемелом.

Делила поровну его
Раюха между нами.
Я часть кусочка своего
Несла голодной маме.

Был радостным Раюхин крик:
Она меня узнала!
С людьми проехал грузовик –
Деревня оживала.

Ветеран

Называет жена чудаком.
Ненормальным считают соседи.
А мальчишки, забыв об обеде,
Делят игры с чудным стариком.

Им забавно среди тишины
В летний полдень ползти на разведку
И в снегу по колено нередко
Рыть окопы на случай войны.

И порой после дружеской схватки
Видеть, как с головой непокрытой
Он слезу вытирает украдкой
Над «солдатом», снежками «убитым».

* * *

Еще порой ей снилось по ночам
Пороховое огненное небо,
И тусклая над книгою свеча,
И тонкий горьковатый ломтик хлеба.

И сутки копошился в сердце страх,
Когда исчезло на прилавке мыло.
«Уж не к войне ли», – ускоряя шаг,
Она себе без умолку твердила.

Ей показался с мылом коробок
Дороже всех товаров магазина.
И запыленный с прожелтью кусок
Взяла в ладонь, как весточку от сына.

Родник

Под старой высохшей ольхой,
Не мал и не велик.
Поил деревню день-деньской
В краю моем родник.

Давно в домах бетонных газ,
Водопровод и свет,
Но к роднику и по сей час
Не зарастает след.

* * *

Сирень качает грустно веткой,
И гладит ель седым крылом,
Когда, скорбя, ограды крепкой
Касаюсь в сумерках плечом.

Я оставляю булку в крошках,
На изголовии — цветы
И тихой медленной дорожкой
Иду за ели и кресты.

И ночью снится не могила,
Не куст сирени над холмом,
А мамин лик в улыбке милой
И наш уютный старый дом.

Старшая сестра

Приезжай погостить, дорогая,
Привези мне о детстве рассказ,
Как, ты в росте нам чуть уступая,
Провожала до школы не раз.

Приезжай погостить, дорогая,
Привези мне о детях рассказ,
Как растила, досуга не зная,
Не смыкая встревоженных глаз.

Приезжай погостить, дорогая,
Привези мне о внуках рассказ.
«На кого их оставить, не знаю», —
Получаю знакомый отказ.

* * *

Вернуться бы на миг в далекий дом
И замереть у маминых коленей.
При свете разгоревшихся поленьев
Забыться легким беззаботным сном.

А в памяти иное оживет.
Я до конца той девочки не знаю,
Она тайком, на цыпочках ступая,
Из шкафа туфли мамины берет,

На каблуках до зеркала достать,
Затеять с ним игривую беседу.
Крутясь, язык лукаво показать
Задиристому мальчику – соседу.

Кувшинки

И берег и речка иные.
Качаются в листьях кувшинки.
Похожи они на родные,
Как переводные картинки.

Глаза потускнели с годами,
Но свет от кувшинок в них снова.
Забыться бы легкими снами
Под сенью родимого крова.
И тянется, как в сновидении,
Рука к золотому соцветью.
Колеблет мое отражение
У берега ласковый ветер.

* * *

Там, где я кончала семилетку,
Столько перемен и новизны.
В доме у ровесницы – соседки
За коврами стены не видны.

Новой школы светлая громада
Выше старой церкви на селе.
А в квартире тети – это ж надо! –
Ванна с душем, как у нас в Орле.

Даже на погосте за домами
Мрамор вместо ветхого креста...
И между оградами с холмами
Дефицитом стала пустота.

Щипалиха

Конец моего села
Щипалихой люди прозвали.
Семья на почте жила,
И вскоре нас общипали.

Погиб на войне отец
В осеннюю стылую пору.
Недолго разил боец
Под Тверью фашистскую свору.

До срока скончалась мать.
Мы куст посадили сирени,
Чтобы могли вспоминать
У дома ее цветенье.

И дом наш казенный сник...
Приезжий построил дачу.
Родной навестив родник,
Иду на погост и плачу.

Безлюдье. Щипалиха спит.
Для сна лишь одна помеха:
Дорога гудит и гудит. –
Кто встретился, кто уехал...

* * *

Когда лучи рассеют холод,
Меняем мы в погожий день
Родной многоголосый город
На скуку тихих деревень.

На мир чужой и незнакомый
С волненьем устремляем взгляд.
Но тем охотнее назад
Спешим к оставленному дому.

* * *

Чем старше становлюсь, тем пристальней
В колодец прошлого я иногда смотрю,
Дойти до сути или скромной истины,
Понять, зачем я жизнь благодарю.

Что знаю я о прадеде своем?
Уж не постичь всей глубины колодца.
Но чистая вода мне достается
Ныряющим без устали ведром.

У могил предков

Сокрыты черепа и кости
Под слоем глинистой земли.
Стою в раздумье на погосте,
Где предки вечность обрели.

Не ждут их радости и беды.
Холмы молчание хранят.
Какие тешили победы
Сердца их много лет назад?

Какая связь у них со мною,
Что привела меня сюда,
Какою властью неземною
Я к ним пристала навсегда?

Божественная, может, сила,
Спасая жизни торжество,
Мне долг заботливо вручила
Хранить извечное родство?

* * *

Мы жили на почте в разгаре войны,
Когда похоронку прислали.
Отцовским заветам доныне верны.
Отца заменил тогда Сталин.

И слезы так искренне, горько лились,
Когда на линейке стояли.
В молчании траурном мы поклялись,
Что будет всегда с нами Сталин.

Да так и случилось. Читай, не ленись.
Он жив и не на пьедестале,
Но трудно понять сквозь овации, свист,
Кому же мы клятву давали...

* * *

Те же ивы над рекою,
Те же заросли куги,
Так же утки за собою
Водят плавные круги...

Я, как будто из неволи,
Насмотреться не могу
На распаханное поле,
Речку, иву и кугу.

Новый жилец

И дня не пройдет, чтобы я не грустила по лесу,
По прикрытому листьями старой ольхи роднику,
По забору, где лаз. Там я к дому уже не пролезу.
Постучу я в окно к незнакомому мне старику.

Мне поможет старик после долгой дороги
раздеться
И горячего с клюквою чаю предложит стакан.
Я ему расскажу про свое здесь военное детство,
Покажу ему место, где с мамой хранили наган.

Мне он тоже расскажет про свои в эти годы
мытарства,
Как лишился семьи и остался навеки один.
Скажет, был бы царем, то охотно лишился
бы царства,
Только чтоб не вернулись тени давних
кровавых годин.

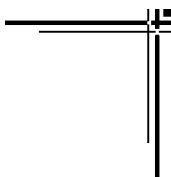
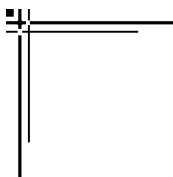
Я смотрю на него, на дрожащую с ложечкой
руку,
Вспоминаю погибшего в грозную осень отца.
И в одно вдруг сливаются через большую
разлуку
Два таких непохожих и чем-то родных мне лица.

Внучка

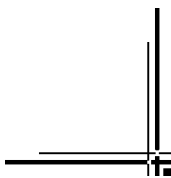
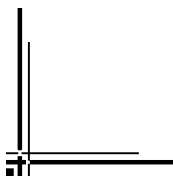
В праздничном сердце моем
Редкая радость и нега. —
Внучка в семействе моем,
Как появленье побега.

В личике милом ее
Ангельское выражение,
Голос звенящим ручьем
Дарит часы умиления.

Сходна с цыпленком в ходьбе,
Солнышком в непогоду. —
Все совместила в себе:
И божество, и природу.

РАЗНОГОЛОСЬЕ

* * *

Кленовый лист, ажурный, яркий,
Горит среди унылой мглы.
Он освещает тени парка
И темно-бурые стволы.

И падает, кружась с листвою
Легко на землю с высоты.
И оживают, как весною,
Полузасохшие кусты.

Зимнее утро

Медленный яблочный хруст
На снегу под ногами.
Белый заснеженный куст,
Свет прифонарный кругами.

Стая летящих дымков
С облаками в объятья.
Розовый свет облаков.
Ранние рукопожатья.

Весенний день

Глазам смотреть на солнце больно.
Все раздалось: и высь, и ширь.
И ветер, слабый и безвольный,
Дымкам из труб – не поводырь.
Плывут стремительные льдины
Под стаяй светлых облаков.
Еще чуть-чуть – и лодку сдвинет
С земли ватага ручейков.

Осенью

Тишина обнаженных полей,
Замирающий крик журавлиный,
Вешний дым молодых тополей,
Беспричинная радость рябины.

И двуликая песня души
Из восторга и странной печали —
Тихий праздник открытой межи
Над пустынной равниною дали.

* * *

Здравствуй, осень, в яблоках и перце,
В зелени, летающей листве.
Солнце, проникающее в сердце,
Все еще пылает в синеве.

В огороде отцвела, увяла
Темная поникшая ботва,
Чтоб еще заметней засияла
Тыквы золотистой голова.

* * *

С годами больше тянемся к земле...
Принадлежа суглинистому краю,
Руками в перегное и золе
На корточках я семя зарываю.

И, как всегда при виде малыша
Или родильницы с новорожденным,
Вдруг прорастает нежностью душа,
Когда увижу я росток зеленый.

Покажется: и мне он тоже рад.
О, сладкий миг слияния с природой!
И лепестки вишневые летят
Пеленками на родственные всходы.

После дождя

Дождь замолчал. У куста
Весело скачет синица.
Капля у мочки листа
Яркой сережкой искрится.
Хлопают солнцу зонты.
С улицей не расстаться.
Ради такой красоты
Стоило грома бояться.

Осень

Тускнеющий над нами
Осенний небосклон,
Разорванное пламя
Рябины под окном,
Недвижные нагие
Седые тополя,
Пустынные глухие,
Бесцветные поля,
Извивы листьев клена
На тлеющей копне...
И лишь забор зеленый
Как памятник весне.

* * *

Уносят крылья ласточку под небо,
У горизонта кружит самолет,
И к солнцу тянется весенний стебель,
Как скорлупу, разламывая лед.

И сердце бьется радостно и звонко,
Готовое, как в юности, в полет.
И зеркало, правдивее ребенка,
По-донжуански мне сегодня лжет

Ночь

Уже слились над городом моим
Вечерние медлительные тени,
И сон, что людям так необходим,
Развертывает полосы видений.

Все ярче свет высоких фонарей
В земном неугасаемом дозоре,
И сотни звезд – безоблачных гостей –
Теснятся на задумчивом просторе.

Порою всколыхнется тишина
От звуков запоздалого трамвая,
И зоркою хозяйкою луна
Глядит на спящий город, не мигая.

Внуку

Спит малышка в нарядной коляске,
Улыбается тихо во сне,
Словно кто-то волшебные краски
Для него расплескал в вышине.

Убаюкан журчаньем капли,
Синевою небес напоен,
Спит ребенок, не зная метели,
И с грозой еще не знаком...

Не свожу благодарного взгляда
С очертаний родного лица.
Снова детство далекое рядом,
Снова жизнь начинаю с конца.

* * *

У каждого свои заботы,
Порою грусть, порой тоска.
И в день, свободный от работы,
Когда печаль вдвойне горька.

Я стол накрою без затей
И за беседой в узком круге
Среди забот моих гостей
Забуду о своем недуге.

* * *

Молчали птицы, ветки трепетали,
Угрюмо люди двигались во мгле,
Как будто час неведомой печали
Настал всему живому на земле.

Но верилось: вот-вот остаток тучи
За горизонт устало уплывет,
И солнце истово лучом могучим
Соединит дома и небосвод.

* * *

Облака, как гимны белизне,
Ласточка, летящая вдали, —
Вот и все, что вижу в вышине
С разноцветной ласковой земли.

Но, однако, часа не пройдет, —
В роще ли, за будничным столом, —
Взгляд невольно снова пропадет
В поднебесье бело-голубом.

Сладив с притяжением земли,
К выси устремляется душа,
Чтоб увидеть в солнечной дали,
Как земля под небом хороша

* * *

Уезжает человек любимый –
Темные густые облака
Солнце обволакивают дымом,
И угрюмо плещется река.

Приезжает человек любимый
Влажный вереск источает мед.
Затихает дождь неутомимый
Радуга над облаком встает.

* * *

Только под вечер зайди к нему с беседой,
Только с вишнею вареников отведай...
Закачает тебя ветер, одурманит,
С огорода мятным запахом потянет.
Поманит тебя сверкающее солнце
Золотистой коркой хлеба над оконцем.
Яркой веткою плеча коснется вишня,
Что тебе навстречу с ягодою вышла.
Улыбнется и протянет руки мама,
И платочек тихо вынет из кармана.

В городе

Достал гармошку с антресолей,
Смахнул пылинки рукавом
И заиграл о русском поле,
Увидел вишню под окном,
Луга под дымкой росяною,
Лучи на листьях старых крон...
И за панельною стеною
Умолк на миг магнитофон.

Тишина

Тишина над Окою.
Солнцу мало земли.
На речные покои
Блики ярко легли.

Не увидишь изнанки
На ветле у листа.
Как в забытой землянке,
Тишина у моста.

И свободен, и легок
Шаг у юных солдат...
Вместо острых винтовок
Строй округлых лопат.

Соседка

Посвящается К.В. Дорожкиной

Мы с нею встречались на лестничной
клетке,
Скамейку делили в саду на двоих.
Хвалили-ругали погоду нередко,
Судили-рядили о детях своих.

Недавно в журнале блеснула заметка:
Орловскому хлебу – хвала и почет.
Рецепт приготовила наша соседка,
И славит годами он хлебный завод.

О важном узнала не слишком ли поздно?
Ругаю соседку за скромность. Молчит.
«Известно, – сказала, – хлеб нужен,
 как воздух,
А разве о воздухе кто говорит?»

Покинутое село

Как в больничной палате,
Где черно и светло,
Спит на снежном халате
За рекою село.

Не колышутся былки,
Дремлет клен – звездопас.
У дорожной развилки
Вспыхнул свет и погас.

Мчится в облаке белом
По селу грузовик.
Смотрит вдаль осовело
Одинокий старик.

Инженер на покосе

Опять с косой уходим в дальний луг
И рассыпаем росы полукругом.
Давно сошли мозоли с белых рук,
И карандаш мне стал в работе другом.

Еще один широкий разворот –
И я снимаю модную рубашку.
Моя коса старательно кладет
В единый ряд крапиву и ромашку.

Звенит она на весь зеленый луг.
Все травяными запахами дышит...
А завтра мне такой же полукруг
Карандашом чертить для новой крыши.

Печка

Какое это чудо – печка,
Когда хрустя сухой корой,
Огонь теплом недолговечным
Нас манит стылою порой.

И вот уже зарю и звезды
Зажгли собою угольки.
Но гаснет все легко и розно,
Золы оставив островки.

И остается утешенье –
В сиянье вечном небосклон,
Где звезд холодное свечение
Живое погружает в сон.

В отпуске

Стою за билетом четыре часа,
Трясусь в раскаленном от зноя вагоне,
Пока не сверкнет вдалеке полоса
Морской синевы на безоблачном фоне.

Сутулясь от ноши, хозяйку ищу
С жильем подешевле и к морю поближе.
И вот я на пляже лежу и грущу:
За лесом купальщиков моря не вижу.

Обратный билет мне, как луч январю:
Блаженно сияю на куцей подушке
И с сонной соседкой всю ночь говорю
О доме и тихой пустынной речушке.

Архыз

Бурлит под нами Зеленчук,
Над нами цепи гор светлеют,
На склоне сосен полукруг
От солнца ярче розовеет.

Искрится тающей росой
Лужайки пышной покрывало,
Где зелень сочною красой
К себе овец приколдовало.

А рядом с нами водопад
Шлифует камни неустанно.
Здесь все, как сотни лет назад,
Таинственно и первозданно.

* * *

Уж веют тени на моем пути
Густою предвечернею прохладой,
Но луч закатный светел и отраден.
Пока не вечер. Вечер впереди.

Уж ветер по-осеннему гудит:
Разбрасывает яблоки по саду.
Но клены не готовы к листопаду.
Еще не осень. Осень впереди.

И грустью отзываются в груди
На лбу морщинок тонких параллели,
Но в сердце звон ликующих апрелей.
Еще не старость. Старость впереди.

* * *

Несовершенен мир природы:
То блещет редкой красотой,
То шлет нам гибельные воды,
То смерч, грозящий пустотой.

Не постоянны в чувствах люди:
Сменяем зло на доброту
И тех порой нещадно судим,
Кто зажигает в нас мечту.

И то безумно – веселы,
То озабоченно – печальны,
Мы, тщетно обходя углы,
Усердно ищем круг нейтральный.

Белая ворона

Белая ворона странная на вид,
Белая ворона грустная сидит,
Оттого, что черная знать ее не хочет
И с другими черными над сестрой хохочут.
Но взлетела белая на вершину кроны.
Пусть теперь позлятся черные вороны.

* * *

В парке сужена дорога.
Снег крадется вдоль ствола.
По скамейке многоногой
Ходит ворон без крыла.
Над рекою солнце бродит,
Словно вялая хурма...
Все мгновенно, все проходит...
Начинается зима.

В сентябре

Куст обвила повилика,
Спят на лету комары.
Детского шума и крика
В полдень лишились дворы.

Воздух рассеян и молод.
Голос учителя тверд.
В окна врывается город,
Ролики, теннисный корт.

Сложены книги в портфели,
Класс опустел до утра.
Настежь открытые двери,
Теплое братство двора.

Зимний день

В глубоком сне декабрьские сады.
Не шелохнутся клены в тихом парке,
И куст рябины в белом полушалке
Под снегом прячет горькие плоды.

Заметены зияющие раны
На сгорбленном березовом стволе,
И продолженьем неба на земле
Вдали над речкой белые туманы.

* * *

Окно впускает целый мир
В мое жилище:
Ночную темь, и свет квартир,
И запах пищи,
И лай собак, и щебет птиц,
И небо в раме,
Где нет враждующих границ
Меж облаками.

Стена же разделяет дом, сарай, клети,
Луга и пашни, водоем
И рыбу в сети,
И души близких и родных
В заблудшем мире.
Одно окно и три стены
В моей квартире.

* * *

Мнилось: звезды попадали в снег,
Обратясь в серебристые блески,
Облака отыскиали ночлег
На кривых придорожных березках,

И фонарь желтоватой луной
Освещал за домами поляну-
Все высокое рядом со мной:
Захочу и рукою достану.

Но тотчас становилось мне жаль
Потускневшей небесной пустыни,
И душа погружалась в печаль
Оттого, что лишь хлебом единым...

* * *

Когда ромашка каждым лепестком
Вдыхает сладкий запах земляники,
Кружит пчела над синим васильком,
Скользят по листьям солнечные блики,

Я чувствую давно забытый лад –
В гармонии мои душа и тело,
Как будто жизнь – сплошной Эдемский
сад,
И нет иного для нее удела.

Забыв о кружке с ягодой на дне,
Запоминаю чудное виденье,
Как яркое желанное мгновенье
В изменчивом и уходящем сне.

Бабушка в городе

Вместо «лоджия» скажет «ложа» нам,
Вафли паклями назовет.
Хлеб не режет – строгают ножиком,
С пальца лижет разлитый мед.

Нет «Орловской правды», тревожится.
«Где колхозная?» – говорит.
И свеча перед Матерью Божией
Бережет ее от обид.

Тюльпаны

Снова тюльпаны к чаше небес
Тянут цветы – бокалы.
Раньше не видела столько чудес –
Белых, сиреневых, алых.

Тянется к донцу бокала пчела
В платье искусной работы.
Поясом тонко его оплела
Ниточка из позолоты...

Тянутся руки мои, как во сне,
К стеблю – ножке бокала.
Тост восклицаю поздней весне
В радости небывалой.

У фермера

Вот он дом, за домом хлев,
До стрехи дрова кубами
И гитары темный зев
У автопортрета в раме.

На дворе такая тишь,
Что в грязи под сапогами
Всхлип ничуть не утаишь
Беспокойными ночами.

Но, едва плеснет рассвет
Зыбкой белизны на стены,
Он уж в поле метит след,
Не желая перемены.

* * *

Не боюсь я Страшного суда.
Что ни год, то новая беда
Памяти сосуд отягощает,
Сердце безысходностью пытается:
Родины болеющей разор,
Флоры погибающей укор,
Родственников ранние потери,
От воров-убийц двойные двери...
Не боюсь я Страшного суда,
Страшно только, что не вся беда
Будет при дыхании избыта,
Что еще грозят орудья пыток.

* * *

На серебристом фоне стекол
Свежи творения мороза:
В траве причудливо – высокой
Застыли белые стрекозы,

И молодая орхидея
Цветет в снегу неприхотливо.
Холодным светом сердце грея,
Живет со мной недолго диво.

Смотрю – опять на стеклах пусто –
Художник в поисках сюжета,
С волшебной палочкой искусства
Бродя среди стволов и веток.

Зимнее утро

Утро раннее снежно-лохматое,
Птичий голос, как прерванный стих.
Юный дворник широкой лопатою
Разгребает тропу на двоих.

Город, снегом внезапным охваченный,
В перемене одежды и дел,
Словно в свежем белье из прачечной,
Побелел, посветлел, присмирел.

И к бумаге на снежной скатерти,
Позабыв о скитаньях своих,
Как бродяга к кресту на паперти,
Бойко просится зимний стих.

* * *

Заглушая песни, стон,
Громыхание трамвая,
Колокольный мерный звон
Нас к молитве призывает.

Будит веси, города –
Я его повсюду слышу.
Соберемтесь, господа,
Под спасительную крышу

Да помолимся за нас,
За надсаженные души,
И небесный добрый глас
Слезы жесткие осушит,

Окропит святой водой
От глупцов и фарисеев,
Над заблудшей головой,
Звезды новые посеяв.

В ликах благостных икон
Столько веры и прощенья.
Колокольный дивный звон —
Наша боль и воскресенье.

Оттепель

Выпал редкий денек на неделе:
За окном вишни, словно в цвету,
Улетели косые метели.
Все земное опять на виду.

И по свежему твердому насту
Пролегла мимо дома лыжня.
Измененьям погоды подвластна,
Уезжаю за город и я.

И блаженное солнце за мною
Добавляет веселью огней.
Стала тень за ближайшей сосною
От небесного света синей.

Как же мало для праздника надо
На душе в безотрадные дни!
Лепестками из зимнего сада
Засыпаются тихо они.

В гостях на родине

Как соседка в подпитии Настя
Посреди навесивших подруг,
Закачалась береза от счастья:
Небо светлое, люди вокруг.

В окна смотрится, стекол касаясь,
Больше ветра – и пустится в пляс,
Только корни, с землею срастаясь,
Не дают быть похожей на нас.

Может, зная, что снова расстаться
Предстоит нам, умерила прыть.
Погостили. Пора собираться.
В дальнем городе годы гостить.

По мотивам повести Ю. Арбатова.

Дантес

У черной речки снег прибит.
К дуэли все уже готово.
Угрюм присутствующих вид.
«Сходитесь!» – прогремело слово.

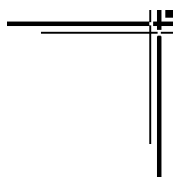
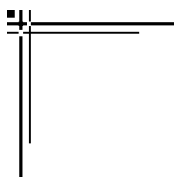
Он первым сделал шаг вперед.
Качнулась ручка пистолета.
И пуля, изменяя ход,
Смертельно ранила поэта.

Взлетела стая воронья.
Перед глазами все в тумане.
«Не я его убил. Не я.
А, может быть, он только ранен?»

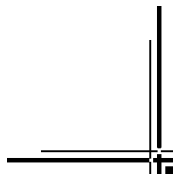
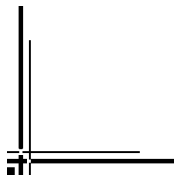
Дрожали пальцы на груди
В защите от ответной пули.
Но пуля дрогнула в пути,
Как будто бесы отвернули.

«Что это: сатаны игра
Иль таково судьбы решение?
Я победил и проиграл:
Поэту – слава, мне – презренье».

А сани медленно ползли,
Воронья стая разлеталась.
Гадание ворожей
О белом всаднике сбывалось.

ВСЕ В МИРЕ СТАНОВИТСЯ ЗЫБКИМ

* * *

Качаются тонкие ветки,
И листья в тревоге молчат.
С годами я стала нередко
На них останавливать взгляд.

Все в мире становится зыбким.
Лишь крепнет надменный металл,
И гаснет людская улыбка,
Как солнце за выступом скал.

И снова ищу я спасенье,
Смягчая тревогу и грусть,
В молчании чутких растений
И в вере в разумную Русь

* * *

Вспомню детство, войной прожженное –
В сердце острая боль утрат.
Оттого и синь окоемая
Мне дороже любых наград.

Оттого и с метелью, может быть,
Говорю языком подруг.
Оттого всей душой, всей кожей
Ощущаю чужой недуг.

Осенью

Тишина обнаженных полей,
Замирающий крик журавлиный,
Вешний дым молодых тополей,
Беспричинная радость рябины,
И двуликая песня души
Из восторга и странной печали.
Тихий праздник открытой межи
Над пустынной равниною дали.

Зимой

Скоро солнце по прогнозу
Явит свой светлейший лик
И надменному морозу
Яркий высунет язык.
Будем радоваться свету,
Небеса благодарить,
И грустившему поэту
Гимн захочется сложить
Вновь сияющему краю,
Снежной с блестками зиме
И забудем, как зеваем
Днем коротким в полутьме.

* * *

У чужого огня не согреться,
Вянут в вазах цветы без корней.
Может только цыганское сердце
Жить, не плача, без крыши своей.

Ну, а мы по какому завету
Убегаем от наших полей,
От крестов над могилами дедов
И от праха своих матерей?

Вот и мечется сердце и тужит,
Что ему не вернуться домой,
Где уже никому ты не нужен
И зачеркнуты ставни доской.

Бессонница

Не могу я сегодня заснуть,
И, откидывая одеяло,
Я к окну устремляюсь взглянуть
На дома и на звезды-кристаллы.

Всюду он – бездыханный покой,
Неизбежно пугающий тайной,
Засыпаю ночью порой
Я во власти его неслучайной.

Он крадет, к забытью нас маня,
Лет у жизни короткой немало.
Оттого ли срывает с меня
Ночь бессонная одеяло?

В осеннем Спасском

Сколько разной листвы облетело
В день утраты в родной стороне!
Бродят тени в тиши опустелой,
Ищут лик знаменитый в окне.
Сучья славного дуба у дома
Позу полуобъятий хранят,
Обсыпая листвой невесомой
Посетителей грустных наряд.
А в пруду красотою нетленной
Отражения пышно горят,
И, как прежде, писатель смиренно
Ловит гости восторженный взгляд.
Звуки женского дивного хора
Неизменно зовут в старину,
Где хозяина песней задорной
Вновь помянут к родному окну.

* * *

Земля мала. Приемлет небо
Все, восходящее к нему:
Лесистых гор цепные гребни,
Столпов державных вышину,

Верхи дерев и птиц круженье
От резких звуков в стороне,
Дымков из труб наверх движенье,
Слова молитвы в тишине.

Снег

Все медленнее на пути
Безбрежное круженье снега...
Он может след мой замести
И куст в белеющих побегах.

Все выправить и все сравнять
И под несмелыми лучами
Свое сиянье излучать
И днем, и лунными ночами.

Зайдется дух в моей груди
В его холодном ровном свете,
И я по млечному пути
Уже шагаю на планете.

* * *

Первый снег – объявление,
Первый снег – восклицание,
Первый снег – обновление,
Первый снег – испытание.

Первый снег – народжение,
Первый снег – умирание,
Первый снег – удивление,
Первый снег – привыкание.

* * *

Смотрю на снег искрящейся зимой
Или на зелень шелковистым летом,
Сезонов милых вечные приметы
Внушают мне и радость и покой...

Не так ли я, как дочь родной природы,
Должна тепло и радость излучать
И в зрелости, когда короче годы,
И в старости, когда трудней дышать?

* * *

Уж сколько раз меня природа
Спасала от пустых тревог
Лучистым светом небосвода,
Спокойствием лесных дорог,
Холодных ландышей цветеньем,
Тюльпанов ласковым огнем...
Но не забуду потрясенье:
Над бабушкой смертельный гром.

* * *

Могучий тополь вырос у дороги.
Ветвями крышу дома обхватив,
Он словно защищал собой немногих,
Кто был уже и стар и сиротлив.

Кто вскоре тихо умер в одночасье,
Не разгадав загадки бытия,
И старый дом калек без участия
Недолго без хозяев простоял.

Поникли следом ветви от печали,
Не слыша под собою голосов,
И осторожно, как детей, качали
В гнездовьях подрастающих птенцов.

* * *

В блаженной тишине покоя
Часы мне не дают уснуть.
Они, порядок жизни строя,
Ее уносят по чуть-чуть...

И никуда от них не деться.
Они внутри меня, вовне,
Как будто бы вселенной сердце
Дает свои сигналы мне.

Пасха

Светлый праздник. Воскресенье.
Воскресение Христа,
Очищение, всепрощение,
В грешных душах чистота.

Ужас пыток на Голгофе
Пышной радостью сменен,
И стихиры вечной строфы
Льются в сердце серебром.

Торжествует все благое.
В благодати каждый дом.
Солнце обнялось с рекою
В божьем царствии своем.

* * *

В середину октября
Ворвалось внезапно лето,
Возмутило грусть поэтов,
Плавный ход календаря.

Разноцветье туалетов,
Что лежали взаперти,
Вновь успело расцвести,
Затмевая краски лета.

Вновь на лоб комар садится,
Веселее звук струны...
Не вернулись только птицы
Из далекой стороны.

* * *

Над рекою склоненная ива
Охраняет прохладу воды
И своим отраженьем красивым
Украшает ее до звезды.

А река непрерывным потоком
Омывает извивы корней
И с листвою о чем-то высоком
Говорит в полновесии дней...

Есть в согласии тихой природы
Благодарности вечная суть.
Вот и тянет сюда мимоходом
На гармонию мира взглянуть.

* * *

Памяти соседки

Одной улыбкой меньше стало
На нашем сумрачном дворе.
Еще вчера она сияла
И грела в стылом октябре.

Пусть говорят: судьба едина –
Конец, забвенье в тишине.
Ее улыбка, как картина
У вечной жизни на стене.

* * *

Осенней хмари вопреки
Из тучи выкатилось солнце,
Зажгло мгновенно свет в оконцах,
Веселый отблеск вдоль реки...

Сияет на асфальте грязь,
Светлее дым над старой крышей,
И, с увяданьем примираясь,
Полнее жизнь природы дышит.

Ольга

Слышнее в храмах песнопенье,
Теснее многолюдный клир,
И из тяжелого забвенья
Восходит предков древний мир...

Уж видится зачатъе веры
В лесной славянской старине,
Нам благонравные примеры
Являют фрески на стене.

Но ярче всех, но изначальной,
Блистая мудростью благой,
Лик Ольги в миг сакраментальный
Лучась, встает передо мной.

Прекрасу, Ольгу и Елену
В себе одной соединив,
Она, страны раздвинув стены
И лихоимцев устранив,

Нашла приют душе народа,
Блаженство веры испытав,
Но сын, воитель по природе,
Стал горшей из ее застав...

Внук злые ковы темной силы
Позднее мог преодолеть,
Когда она уже почила,
В слезах оставив храм и клеть...

Дух Ольги с нами и поныне
Равноапостольский святой,
И лик на фреске и картине
Сияет прежней красотой.

* * *

Не хвалят поэты друг друга.
Ругают в глаза, за спиной,
И муками адского круга
В душе переполнен иной.

Спросили бы лучше у Бога,
Зачем же равно им даны
Минутное счастье, тревога
И разные лики луны.

Трагическая быль

Он музыкантом был – прилежный пленник
Гитарных струн, бемолей и диэзов,
И поздними нередко вечерами,
Над нотными линейками склоняясь,
Подобными весенним проводам,
Он птички – ноты расставлял по воле
Свободного его воображенья,
И новая мелодия надолго
Его лицо красиво оживляла
И радовала чуткую семью.
Наташа, Оля – милые созданья –
Приют любви, надежды, утешенья
С бантами – бабочками на головках
И с желтою пыльцой на нежных лицах,
Они к нему садились на колени,
О детских радостях своих журча.
Жена его – прелестная Альбина –
Звенела рядом чистою посудой

И разливала ароматный чай.
И мир казался полон песнопений,
Гармонии небесной и земной...
Андрей, так звали моего героя,
Был дирижером струнного оркестра
И мог легко фальшивое звучанье
В согласном хоре звуков отличить,
Как настоящий жемчуг от подделки.
Нередко другу своему, Вадиму,
(Он при игре не раз сбивался с такта),
Андрей смущенно делал замечанья,
Не видя, как при этом у Вадима
Соединялись резко в гнев брови
И по-татарски узились глаза...
Однажды в зале после выступленья
Вадим Андрею сделал предложение
Зайти на чай к знакомому его.
Он обещал Андрея познакомить
С певцом, известным западным столицам,
И умною беседой угостить...

Не заходя домой, они свернули
В безлюдный бесфонарный переулок,
И вскоре освещенное окно
Уже манило их к теплу и свету...
Стол был накрыт. Вблизи вокруг него
Слонялись молча молодые люди,
Рассматривая вазы и картины –
Свидетельства пристрастий их владельца.
Едва успел Андрея взгляд скользнуть
По черепу Шемякинской работы,
Как рядом оказавшийся хозяин
Уже спешил себя ему представить
Как новичку среди его гостей.
Андрей пытался молча распознать
В одном из них искусного певца,
Известного всей Западной Европе,
Но царственного отпечатка славы
Не мог он разглядеть ни у кого.
Их облик, речь и грубые манеры
Убили в нем последнюю надежду

В беседе умной вечер провести...
Сначала были пламенные тосты
За встречу, дружбу, верную до гроба,
Затем поток соленых анекдотов,
Смешки и хохота безумный вал.
Венцом попойки стала матерщина
И дикая разнузданная брань.
Андрей, питая ненависть к спиртному,
В нелепом одиночестве сидел.
Ему вдруг на мгновенье показалось:
Он к заключенным в камеру попал.
Вадим сидел от друга вдалеке
И чувствовал себя в своей тарелке.
Здесь он был дирижером всех забав.
Юнец, кто не сводил глаза с Вадима,
Ему подмаргивая, вдруг спросил:
«Зачем привел ты этого кретина?»
Не ест, не пьет. Он нас не уважает
И на Андрея указал перстом.
Сосед Андрея словно пробудился

От скучного назойливого сна.
«Не хочет сам, так мы его накормим»,-
Сказал он громко и, склонясь к Андрею,
Скомандовал: «А ну, открой-ка пасть».
И вот уже к нему другие руки
С напитками и снедью потянулись,
Толкая в горло бедного Андрея,
Как в мясорубку, мясо, колбасу
И заливая их вином и водкой...
Но, услышав в забитом горле хрипы,
(Андрей не мог уж выдохнуть ни слова),
Вадим сказал свои дружкам в испуге:
«Ну, перестаньте, хватит же с него.
Пора его в семейный рай отправить»...
Андрей лежал на лестничной площадке
На верхнем этаже жилого дома,
Что по соседству был с его родным,
И слушал голоса двух белых пятен –
Со «скорой» двух приехавших людей.
Они помочь бедняге не решались,

И, ожидая милиционера,
Смотрели безучастно, как боролись
В Андрее неподвижном жизнь и смерть.
Милиция явилась слишком поздно.
В жестокой схватке победила смерть...
Семья нашла Андрея позже в морге,
Но не был найден ни один виновный,
И только анонимный перевод
С приличной суммой денег для семьи,
Лишившейся отца, кормильца, мужа
Кому-то облегчал больную совесть...

* * *

На подоконнике снаружи
Возня и стуки голубей,
Как будто им сегодня нужно,
Шумя, побыть среди людей.

Но стоит мне, отдернув штору,
Взглянуть на них через стекло,
Они, забыв игру и ссору,
Взмывают в небо тяжело.

А я с досадой и сомненьем
Смотрю в открытое окно,
Меж близостью и отчужденьем
Ищу незримое звено.

* * *

Серый сугроб в грязи,
Как у бомжа кожа,
Гибель ему грозит,
Брезгует им прохожий.

Плачет он светлым днем.
Слезы текут в ручей.
Вспомнит ли кто о нем
В беге весенних дней?

Старая береза

Вся в желтых звенящих монистах
Береза у края села,
И в сумерках ранних и мгlistых,
Как в юные годы, светла.

И с ветром шальным норовистым,
Как прежде, воюет одна
И сеет на пустоши листья,
Забыв, что еще не весна.

Жалея прошедшее лето,
Невольной печали полна,
«Нет, песенка вовсе не спета», –
Как будто бы шепчет она.

* * *

Кружит медленно над лугом
Одуванчиковый пух.
Тихий ветер пахнет югом,
Светлячок в траве потух.

По извечному маршруту
Начинает солнце плыть.
Ничего не перепутать,
Ничего не изменить.

Стало быть, пора за дело
В борозде ли, за столом,
Чтобы жизнь не оскудела,
На земле, где мы живем.

Молитва

Гляжу я в глаза напротив –
В них добрый упрек, совет.
И, как от отца заботлив,
Исходит иконный свет.

«Боже, – шепчу я тихо, –
Помилуй меня и прости.
Сколько хлебнула лиха
Я на своем пути.

Сколько грехов пыталась
Сердцем предотвратить,
Но всегда обрывалась
С божьим помыслом нить.

Трудно понять мне было,
Где добро, а где зло,
И я порой не щадила
Того, кому не везло.

Дай силы душе заблудшей,
Вдохни в нее благодать.
Нет доли на свете худшей,
Чем без тебя страдать.

К посещению музея М. Цветаевой

По лестнице крутой подняться и с собой
Увидеться в зеркальном отраженье.
И, сдерживая шаг, чтоб сохранить покой
В заветных комнатах, унять волненье.

Обои здесь, как книжные листы,
Хранят поэтом созданные строки,
А сквозь «колодец света» с высоты
Нисходит дух Марины одинокий.

До комнаты Сергея, где ковры
Смягчали в те года явления недуга,
Целебный доносился звук игры
Любимой женщины в часы досуга.

Как низок в кабинете потолок
И высоки жильцов бывшие устремленья!
Как будто слышен Алин голосок
Из детской залы с ярким освещеньем.

Вот, напоследок, мебель – на дрова.
Жизнь замерла, как в камере острога,
И никому в стихах ненужные слова,
И за рубеж – в Берлин – тревожная дорога.

Давно настал ее стихам черед.
И нет для них заслонов и запрета.
Тяжел и светел лестницы полет
К небесной сути редкого поэта.

* * *

Мне нравятся высокие деревья.
Смотрю на них, и мой светлеет взгляд.
Носители особого доверья,
Они лишь с небесами говорят.

Вреда они округе не приносят,
Корою светлой света не крадут,
И ничего от нас они не просят,
И жизнь свою нам молча отдают.

Их кроны к облакам земля уносит,
Питая корни силою живой,
И стройный ряд из тополей и сосен,
Как строй небесной рати предо мной.

За границей

Полей зеленые квадраты,
Волнистый занавес лесов
И незабвенный запах мяты,
И россыпь птичьих голосов,

И бархатистая замшелость
На древнем сетчатом стволе...
Мне на мгновенье захотелось
Прижаться ласково к земле

И, утопая в мягких травах,
Беспечно слушать гуд шмеля
За пограничною заставой,
Где родина была моя.

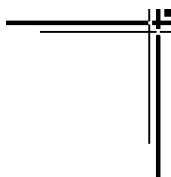
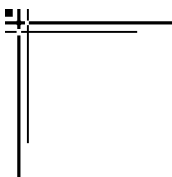
* * *

Когда не пишется, душа молчит
И дремлет память с лицами, вещами,
Едва листвою тополь шевелит,
И небо серое покрыто облаками.

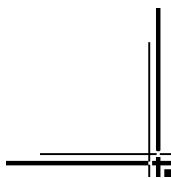
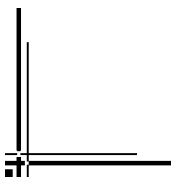
Мой чистый лист как будто бы ничей,
Но лишь меня коснется вдохновенье,
И даже у изношенных вещей
Внезапно наступает пробужденье.

Вдруг оживают мелкие цветы
На мамином полупрозрачном платье,
Я слышу голос папы с высоты,
Летя в его руках к нему в объятия.

И ясен мир, и на душе светло,
Я постигаю шепот тополиный
И, кажется, сейчас я набело
Перепишу мой стих пером гусиным.

ЦВЕЛА ЧЕРЕМУХА

Черемуха

Лепестки черемухи
Кроют старый двор.
Недомолвки, промахи,
Вздорный разговор.

Ссоры, примирения,
Утомленный взгляд.
В белом оперении
Полуночный сад.

Жизнь, короче всполоха,
Кажется, прошла.
Но цвела черемуха,
И любовь была.

* * *

Отчего мне с тобою легко?
Словно птица, размашистым кругом
Я как будто летаю над лугом.
Небо солнечно и высоко.

Отчего мне с тобою легко
Говорить и молчать, удивляться,
Как минуты стремительно мчатся,
И касаться рукой облаков?

Отчего мне с тобой нелегко
Подниматься на берег пологий,
Где расходятся наши дороги,
А до встречи еще далеко?

* * *

Болела его недугом,
Делами его жила
И верной женой-подругой
Все годы ему была.

Без ропота и сомнений
Себя забывала с ним.
Ему хорошо было с тенью.
Ей свет был необходим.

Звонок

Мне знать отрадно и легко,
Что я тобою не забыта,
Что звезды смотрят высоко,
И книга дружбы не закрыта

Как на открытках, за окном
Светлы и постоянны виды...
Звенят ручьи твоим звонком,
Замолкли прежние обиды...

Звони еще, поверь, что мне
Так дорого твое вниманье,
Как звук – оборванной струне,
Как памяти – воспоминанье.

* * *

С кленов листья тихо опадали.
Я домой вечерним парком шла.
Вы меня красавицей назвали.
Я нахалом вас обозвала.

Но тотчас запели в сердце струны,
Словно от предчувствия весны.
Показалось, что при свете лунном
Все чуть-чуть в кого-то влюблены.

И пуская вы шаг не задержали,
Не сказали дерзкое в ответ...
Я не помню слаще той печали
В лунный вечер в восемнадцать лет.

* * *

Неподвижна звезда над качелями,
Лунный свет серебрит провода.
Тишину родниковыми трелями
Разбавляет чуть слышно вода.

Мы едины, как тросы качельные,
Наши вздохи и смех в унисон.
И все ближе нам даль беспредельная
За листвою подоблачных крон.

Воспоминание

Откружилась беспечная юность
В бальных танцах из легкого ситца.
Я, грустя, на нее оглянулась,
Чтобы время могло повториться.

Нам казалось: кружились колонны
Вместе с нами в танцующем зале.
Со стены Менделеев с Ньютоном
Молча взглядами нас провожали.

Ты шептал мне желанное слово,
И лицо покрывалось румянцем.
Я была его слушать готова
В каждом бурном и медленном танце.

Саксофоны фокстроты меняли,
Пели ласково нежные скрипки.
А потом мы экзамен сдавали,
И смотрел педагог без улыбки.

И опять я в магическом зале –
Ни тебя, ни обманного чуда...
Руки, чашку держа, задрожали.
Как легко стала биться посуда!

* * *

Глаза закрою и увижу нас
В немом лесу на скошенной поляне.
Был сумрачно-холодным этот час,
И гасло солнце в облачном тумане.

Пытались мы привычное сберечь
Касаньем рук, игрою в разговоре,
Но долгая безрадостная речь
Нас утомила и замолкла вскоре.

С собою время уносили птицы.
К другому сердце устремилось рьяно.
Зачем же все назойливее снится
Холодный свет над скошенной поляной?

Развод

«Все кончено. И с этим ты смирись.
Любви ведь не было. Она казалась...»
На безымянном у нее осталась
Полоска от кольца размером в жизнь.

* * *

Разбежались их судьбы, как с валенок лыжи
При внезапном паденьи с высокой горы.
Кто в случившемся больше виноват
и обижен —
Даже Бог не рассудит жестокой игры.

В нежилое наследство ребенку досталось
Ко всему равнодушие маминых глаз
И отцовского взгляда тревога и жалость
При свиданиях тайных и редких на час.

Разбежались их судьбы, как с валенок лыжи
При внезапном паденьи с высокой горы.
С той поры их ребенку все ближе и ближе
Одинокие люди и чужие дворы.

Другу

Заревое небо,
Светлая вода.
Друг мой, где б ты не был,
Ты со мной всегда.

Я с тобой связала
Мысли и дела.
Яркой лентой алой
День переплела.

Будь ты в Алабаме
Или в Сомали,
Только б телеграммы
До меня дошли,

Что здоров и весел,
Помнить рад меня,
Что не спета песня
На закате дня...

* * *

Про обиду ему рассказать?
Лучше видеться с ним перестану.
Буду молча его презирать.
Я не девочка верить обману.

И когда-нибудь через года
В безмятежный задумчивый вечер
У реки, где спокойна вода,
Я его неожиданно встречу.

И тогда я руки не подам.
Лишь окину невидящим взглядом...
Неужели через года,
А не завтра он будет рядом?

* * *

И все же это счастье,
Что ты на свете есть.
Светлее дни ненастья,
Терпимей злая весть.

Приметней цвет полыни,
Сочнее мурава,
И не грозит отныне
Колючая молва...

Мне с каждым днем дороже
Услышать об одном:
Ты радуешься тоже,
Что рядом мы живем.

* * *

У вокзала влажные глаза
И к сердцам протянутые руки.
То, что ты сегодня мне сказал,
Не было причиной для разлуки.

Лучше бы ты молча уезжал,
Оставляя место для сомненья,
Но, проглатывая сотни шпал,
Поезд ускорял свое движенье.

Там, где ты мне проповедь читал,
Рельсы растревоженно блестели.
То, что ты сегодня мне сказал,
Никогда б другие не посмели.

* * *

Горечь рябины, горечь рябины,
Пламенем грозди горят.
У невысокой над речкой плотиной
Мы провожали закат.

На опрокинутой лодке с тобою
Долго сидели одни.
Сердце от речи твоей неживое
Грели рябины огни...

Юность рассеялась легким туманом.
Вот и осенняя мгла.
Пламя рябины к себе меня манит,
Где я напрасно ждала....

Горечь рябины, горечь рябины,
Ты сладковата чуть-чуть.
Осень все глубже, и до плотины
Дольше становится путь.

Колдунья

Называли ее колдуньей,
Говорили, к чертям летает,
Когда угли цвета латуни
В ее печке едва мерцают,

Что была она молчалива,
Умывалась с цветов росой,
И была, как они, красива
С неизменной тугой косою,

Что любила среди кувшинок
Вечерами в затоне плавать,
И ходил к ней ее любимый
Не серьезно, а для забавы.

А когда она в летнем парке
Повстречала его с другою,
Загорелся румянец ярко,
Стали брови одной дугою.

На него она не взглянула,
Но с соперницей встала вровень,
Что-то дерзкое ей шепнула
И ушла, размыкая брови.

Говорили, с тех пор другая
Долго мучилась от недугов,
А колдунья, беды не зная,
Стала нежной его супругой.

Во сне Коле

В спокойной тишине ночной
Свое я имя услышала:
То голос был любимый твой,
Его мгновенно я узнала.

Твое я имя назвала,
И в этом было все свидание.
Потом я долго не спала
Под ношею воспоминаний.

Зачем меня ты разбудил,
Продляя день без сна и ночи?
Я знаю, не хватило сил
Со мной увидеться воочию.

Ревность

Я не ревную, может, это –
Знак холода в душе к нему.
Но почему так жду привета
И сладко сердцу моему,

Когда меня обнимет взглядом,
И пальцы робкие пожмет,
Или когда сидим мы рядом,
Вдали синее небосвод.

Но странно, если с юной девой
Вдруг заведет он разговор,
Душа не ведает посева
Ни ревности, ни жажды ссор.

Напротив, мной владеет радость,
Что интересен он другим.
Тогда сильнее чувства сладость,
И быть еще приятней с ним.

* * *

Позади случайные соблазны. —
Увлеченьями их назови.
Ты пришел, и сразу стало ясно:
До тебя не знала я любви.

Ты не слал мне дорогих букетов,
Не слагал пленительных речей.
От простого ровного привета
Сердце билось громче, горячей.

И теперь, когда слезится осень
И на мир смотрю я из окна,
Наше чувство ветер не уносит.
Нам любовь-изменница верна.

Колючая любовь

Горькая рябина
Весела на вид.
Роза – куст невинный,
А в шипах стоит.

Как шиповник колкий,
Смотришь на меня.
Но твои иголки
Лишь сильней манят.

Я сама колючкою
Нежный взгляд колю,
Злю тебя и мучаю
И люблю, люблю...

* * *

В тених пустынная дорога,
Кусты прозрачны и глухи,
И на березе черноногой
Темней размытые штрихи.

Роняет в сумрачные лужи
Листву полупрозрачный лес. —
Осенней грустью занедужил
Мой край от поля до небес.

И день, продрогший на ветру,
Глядит недвижным сонным оком...
Не оттого ли одиноко
Вдвоем нам было поутру?

* * *

Знакомый московский вокзал,
Колесный прерывистый стук.
Был срок расставанья не мал.
Где ты, мой потерянный друг?

И грустно, и стыдно грустить,
Ведь осень давно на дворе.
Пора уже разумом жить
И смысл больше видеть в добре.

Так что же так сердце щемит,
И в поисках взгляд напряжен,
И тот же светильник горит
В душе, словно только зажжен?

* * *

Полыхает белым пламенем
Платье вьюги за окном.
Умоляешь о свидании
От жены своей тайком.

Вьюга злится, вьюга мечется. —
Мне легко ее понять:
Носит платье подвенечное,
А дружка все не видать.

Видно, судьбы наши схожие,
Только молча я грущу.
Я и этого прохожего
В свое сердце не пущу.

Джеймс Джойс
(Перевод)

О, дорогая, послушай
Что скажет тебе любимый:
Печаль обвивает душу,
Друзья уже не обнимут,
Как только известно станет,
Что в дружбе своей коварной
Цена их слов обещаний
Пеплу уж стала равной.
Но сердце внезапно смягчится,
Когда, дорогая, вдруг
Такое потом случится,
Что неба раздвинет круг,
Когда мои грубые руки
На нежные лягут груди,
Исчезнут печали муки
Или терпимей будут.

* * *

Снова гвоздит дорогу
Летний неожиданный дождь.
И, не тая тревогу,
Снова меня ты ждешь.

Струйки текут, как слезы
По впалым твоим щекам.
Надо быть, надо быть строже:
Жалость — не помощь нам.

Солнце, подвинув тучу,
Свет нам спешит послать,
Словно меня учит,
Ошибки твои прощать.

* * *

Звуки Шопена над белым роялем
Тихою грустью меня наполняли:
В памяти встречи с тобой оживали.
Помнишь, как в парке с тобой танцевали?
Но пролегала меж нами граница,
Что не давала нам соединиться...
И все сильнее, все пламенней чувство
Вновь восходило под силой искусства —
Дивной игры на волшебном рояле
В парке, где листья любовью дышали.

* * *

Ромашки, ромашки, цветы вы мои полевые,
Как малые солнышки, ваши головки живые.
В глаза вы мне смотрите, шепчете
«Дай погадаю»,
И в горьком сомнении я лепестки обрываю.

Ромашки, ромашки, вы – радость моя
и спасенье.
Одна за другою вы шепчете «да» в утешенье.
Я вашей короткою жизнью вернула надежду,
Что я им любима, любима, ромашки,
как прежде.

Букет из ромашек я нежно к груди
прижимаю,
Спешу я увидеть глаза, что меня избегают.
Но в доме ни звука, и комнаты,
как нежилые...
Ромашки, ромашки, цветы вы мои полевые.

* * *

Снег падал бесшумно и медленно,
Едва заметая следы.
Под нежной фатою серебряной
Стояла счастливая ты.

Шли годы, любовь куролесила:
То ложь, то случайный обман.
И дети смотрели невесело
На странный домашний роман.

Снег падал. Возрастаи обочины.
Вы с мужем устало брели.
Стучали сердца озабоченно
В крутящейся снежной пыли.

В кругу друзей

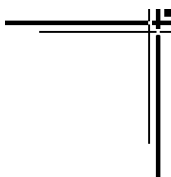
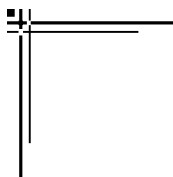
Мы опять в кругу друзей
В теплых сумерках заката.
Но не стало веселей,
Чем бывало нам когда-то.

Все теснее, уже круг. –
Разбросало нас по свету,
И осталось, дальний друг,
Нам дружить по Интернету.

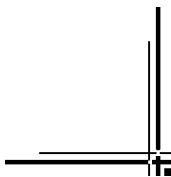
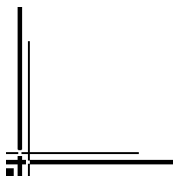
Спорю с другом я порой
От заката до рассвета,
Но он самый дорогой
Гость желанный в доме этом.

Судим строго мы людей
За любые прегрешенья,
А на промахи друзей
Смотрим мы со снисхождением...

Полыхают за окном
В дивном мраке звезды-свечи.
Все живее за столом
Несмолкаемые речи.

СО СМЕХОМ ПОПОЛАМ

Таракан

Борюсь я с ним и день, и ночь:
Шпаклевкой затыкаю щели,
Гоню его усердно прочь
К другим хотя бы на неделю,

По плинтусам веду черту,
Как ограждение от беса,
С яйцом мешаю кислоту
И жду в своей борьбе прогресса.

А он откуда ни возьмись —
Голодный с хитрыми усами,
Любя, как мы, любую жизнь.
Опять ползет перед глазами.

Пушкиновед

В столовой как-то за обедом
Я встретила с пушкиноведом.
Он знал длину его ногтей,
Привычки, прозвища гостей,
О винах говорил застольных,
О шутках не всегда пристойных,
О сплетнях чопорных прелестниц,
Кого поэт встречал в поместьях...
Дабы рассказ его прервать,
Я попросила прочитать
На память Пушкина творенье
«Я помню чудное виденье».
Прочтя строфу без промедленья,
Он впал в глубокое смущенье:
Другой строфы не помнил он,
Но тем обед наш был спасен.

Песенка грызуна семечек

Скамеечка, скамеечка, скамеечка моя,
Сижу, грызу я семечки и все мои друзья.
А ветер мчит по улице, шныряет по углам
И почему-то хмурится, заглядывая к нам.
Он шелуху дворовую метет себе, метет,
А мы плюем по-новому:
 кто больше наплюет...
Скамеечка, скамеечка, милее, чем родня...
Летит половой времечко,
 несет с собой меня.

* * *

Мне стихи явились
Как-то раз во сне.
Дома удивились».
«Спи, – сказали мне».

С той поры спешила
В сумерках в кровать.
Бликих приучила
Рано засыпать.

Снились сны пустые
Без стихов года.
Видно, я чужие
Слышала тогда.

* * *

Как мне не быть счастливой:
Кто мимо ни пройдет,
Меня улыбкой милой
Сегодня узнает.

Вчера стихи читала
С телеэкрана я.
О том и не мечтала:
Весь город мне родня.

Иду, вдыхаю славу, –
Редчайший аромат.
Налево и направо
Бросаю гордый взгляд.

Навстречу мне знакомый.
«Ну, как мои стихи?»
А он: «Давно из дома?».
И странно так: «Хи-хи».

Завел меня под арку,
Сказал: «Ты что опять
Свой затрапезный фартук
Забыла с платья снять?».

* * *

Иная капля пузырем
На лужу при дожде садится,
С другими не желая слиться,
Не зная, может быть, о том,
Что пустотой наполнен он.

О пинг-понге

Гоняем шарики года
Туда – сюда, туда – сюда.
Удар, подрезка и топ-спин,
И ты в пинг-понге – господин.
И если вздрогнет шар земной,
Мы не прервем азартный бой.

Пересменка

Дверь захлопнулась в лифте. Поломка.
Трепещу, как под ветром соломка.
Чушь блатную на стенках читаю,
Даты смерти царей вспоминаю.
Все стихи прошептала, что знала,
Но и этого, кажется, мало.
Может, заживо лечь в саркофаг,
Да не вытянуть ноги никак...
А дежурный кричит: «Потерпите.
Пересменка идет, подождите».
Час прошел. Тишина, как в могиле.
И дежурную связь отключили.
Бьюсь от страха и гнева о стенку
И ругаю всю пересменку.

Состязание

Улица. Зазнайка – поэт.
Взгляд, как в рентгеновский аппарат,
Как будто исследует мой скелет,
И, вероятно, ему не рад.
Я тоже гляжу не в глаза его,
А мимо – на старый храм,
И, не сказав ему ничего,
Зеваю по сторонам.
И вдруг, взглянув на него в упор,
Я достаю пистолет.
Не бойтесь: я – не убийца, не вор.
Оружие – мой куплет.
И я стреляю, надеясь им
Свалить гордеца наповал.
Увы, в ответ сонетом своим
Он в сердце почти попал.
Я застонал, но боль терпя,
Вонзил в него белый стих,

И он, задыхаясь, дрожа, хрипя,
На три секунды затих
И злой эпиграммой пальнул в меня,
Я чертыхнулся и сник,
Но, вспыхнув от гнева красней огня,
Поэмой его настиг.
Мы состязались уже полдня
В честной бескровной борьбе...
Потом он спросил с улыбкой меня:
«Можно придти к тебе?».

Приехал сын

Рюкзак поставил у дверей.
«Как жизнь, моя родная?»
И скрылся в комнате своей,
Не выпив чашки чая.

Три дня надрывно, наизнос
Магнитофон трудился.
Один сосед писал донос,
Другой сосед бранился.

А на четвертый – уезжать.
Рюкзак трещал от снеди.
И, выходя, смотрела мать
Смущенно на соседей.

О поэтических сборниках

С годами все больше редуют леса.
Не скажет ли правнук спесивый,
Прочтя мои сборники за полчаса
Или листая лениво:
«Напрасно прабабка моя извела
Бесценную древесину...»
А я забываю на кухне дела
И гну над тетрадками спину.

* * *

Диоген с фонарем человека искал.
Не нашел и в уныние впал.
Я нашла человека. Он был, как заря
Я была ему до фонаря.

Но не впала в уныние грешное я.
Быть старалась светлей, чем заря.
Он не понял меня, и старалась я зря.
Он мне тоже стал до фонаря...

Я нашла человека. Был мудр, как змея,
И ему не понравилась я.
Нет, не впала в уныние черное я,
Быть старалась мудрей, чем змея.

Я нашла человека. Искала не зря:
Мне светло с ним и без фонаря.

На дачу

С корзинами, сумками, рюкзаками,
Мотыгами через плечо,
Мы двери штурмуем, друг друга толкаем,
Смотря на соседа сычом.

Ура! Я отброшена на сиденье.
Я счастлива, люди, ей-ей.
И мне уже ставят рюкзак на колени
И сумки до самых бровей.

Хрустальная рюмка

Хрустальная рюмка упала.
Звеня, разлетелись осколки.
Хозяйка в смущении встала.
И вышла поправить заколки.

Виновник, настойки алее,
Пытался гостям улыбнуться
И думал «Ну как ее склеить?»
Сдвигая осколки на блюде.

Девчонка вбежала с балкона
И, папу хватая за локоть,
Спросила ликующим тоном:
Теперь ее можно потрогать?»

Интернетоман

Не держит мыслей он в секрете –
Их все читают в Интернете.
Книг не листает – при желании
Есть в Интернете все издания.
Друзей, подруг в округе нет.
Ему нашел их Интернет.
Жизнь в сфере новой – виртуальной –
Давно он предпочел реальной.
Лишь за одним осталось дело:
Уметь ввести в нее и тело.

Ропот

Работа, кухня, дача, дом...
Живет же беззаботно птица.
На ветку с ветки за окном
Слетает весело синица.

Мурлычет песню старый кот.
Ему мышей ловить не надо.
Прогулок пес ленивый ждет,
Чтоб оросить деревья сада...

Я подняла к иконе взгляд
И Бога мысленно просила:
«Верни меня в цветущий сад.
Прости, что Ева натворила»

Одиночество

Есть в одиночестве своя подкова:
Никто не скажет мстительного слова
И не заставит чище мыть посуду,
Не склонит к перебранке, к пересуду.
«Пора вставать!» – не закричит в субботу,
Чтобы позвать на трудную работу...
Но, если зазвенит вдруг телефон,
От счастья вздрогнуть, веря: это он!

Смертная зависть

Флоксы, розы, хризантемы
Возле мертвого чела.
На бумажной диадеме
Поцелуям нет числа.

Сколько дружного вниманья
У постели роковой!
Мне б его без целованья
Ощутить еще живой.

Мне при жизни бы такие
Комплименты не попад.
А рыданья вековые
Пусть подольше помолчат.

Графоман о пользе стихотворения

Мне говорят: «Брось глупость эту:
Стихи шаблонные писать
И всем известному поэту
В немодном ямбе подражать.

И в поисках удачной темы
Часами долгими не спать.
Нужнее было б теорему
Для пользы мозгу доказать».

Все чаще слышишь наставленье:
Глагольных рифм не допускать.
И появляется сомненье:
Писать стихи иль не писать.

Вот на лугу стоит корова.
Лишь редко я услышу: «Му»...
Ни одного не знает слова,
Да ей и знать их ни к чему.

Она без них нам в дар приносит
Сметану, творог, молоко...
Кто скажет, что писать он бросит?
Найти такого нелегко.

Демагог

Стоял на трибуне высокой,
Искал покудрявей словцо
И видел в толпе многоокой
Сплошное без смысла лицо.

С С С Р

Был Союз наш, как метла:
Сор любой она мела.
От нее остались прутья.
Эх, в грязи б не утонуть нам.

* * *

Тридцать тысяч мне принес он,
Гордо бросил пачку.
Десять взял на папиросы,
Десять – на заначку.

* * *

У нашего Антошки
Глаза, как плошки,
Нос картошкой,
Губы лепешкой

* * *

Глаза в глаза смотрели —
Туманились зрачки.
Очнуться не успели —
Глядим очки в очки.

* * *

Мы поднимаемся все выше,
Высотки в небо возводя,
Доволен будет ли Всевышний
Нас у себя в гостях найдя?

* * *

Укоры совести, стыда
Мне душу мучают всечасно.
Болезнь, быть может, не опасна,
Но если вылечишь, — беда.

* * *

Не ходи за мною, Коля,
Не буди сердечко.
Не хочу я свою волю
Загонять в колечко.

* * *

Нашей бабушке Варваре
Девяносто с лишним лет.
Ходит вечером с гитарой
К ней молоденький сосед.

* * *

Говорит миленок мой,
Что он крови голубой.
Ничего, я потерплю.
Все равно его люблю.

* * *

Меня нынче на вокзале
Господином обозвали.
Может быть, и господин.
Я на выпасе один.

* * *

Он мне в ухо прошипел:
Баба неученая.
На себя бы посмотрел,
Тыква запеченная.

Рыбаки

На заснеженной глади реки,
Словно кочки, сидят рыбаки.
В легкой дреме носами клюют,
А смотри: карасей достают.

* * *

Мы с тобой мечтали, ах,
О красивых Жигулях.
А теперь хватило б, ой,
На единый проездной

* * *

На балконе ха-ха-ха
Заведу я петуха,
Чтоб супружница соседа
Не храпела до обеда.

* * *

Мы не курим сигареты,
Водке — ноль внимания.
Мексиканские сюжеты —
Наша наркомания.

Содержание

О Людмиле Дмитриевне Серовой	5
ДОГОРАЮЩИЙ КОСТЕР	11
Вечны споры о жизненном смысле... ..	13
Ни о чем бы не думать на грешной земле....	14
Когда смятения полна.....	15
Тень.....	16
Если	17
Дерево.....	18
С одним открыта, как цветок... ..	19
Ни деревья, что рядом со мною всегда... ..	20
О пластических операциях	21
Фонарь.....	21
Думала эта снежинка – звезда.....	22
Ты говоришь, не всеми мол любима... ..	23
Ссоры везде: на работе и дома.....	24
Богатство потерял – ты потерял немного... .	24
Коль занят он не тем, что знает... ..	25
Души людские влаге подобны.....	25
Пробуждение	26

Не научусь я тихо, просто жить.....	27
Электричка.....	28
Сны	29
Чем укрепляем дух тревожный.....	30
В электричке	31
Высохшая речка	32
Распродажа	33
У дома Лизы Калитиной.....	34
Рождество.....	35
Взгляну на небо – ни морщины..	36
Весенние приметы.....	37
О Баратынском	38
Соловьи, соловьи, не чужая вам я, не чужая.....	39
Небо заштриховано ветвями...	40
Облака	41
Ночь	42
Кому – любви постель...	43
Догорающий костер	44
У РОДНЫХ КОРНЕЙ	45
С годами все чаще мне снится село...	47
Из детства.....	48

Папа заблудился	49
Бабушкино полотенце.....	50
Мне не забыть рассказы бабушки изустные...	51
Отцовский пиджак	52
Прощание	53
Последнее письмо	55
Я не слышала гибельных взрывов.....	56
Без отца	57
Похоронка	58
Щавель	59
Встреча с пленными.....	60
Мне так мало осталось.....	61
Над папой – клевер полевой.....	62
Отцу	63
Вот снова улица моя... ..	64
Ветеран	66
Еще порой ей снилось по ночам.....	67
Родник	68
Сирень качает грустно веткой... ..	69
Старшая сестра	70
Вернуться бы на миг в далекий дом.....	71

Кувшинки.....	72
Там, где я кончала семилетку... ..	73
Щипалиха.....	74
Когда лучи рассеют холод.....	76
Чем старше становлюсь, тем пристальней...	77
У могил предков.....	78
Мы жили на почте в разгаре войны.....	79
Те же ивы над рекою.....	80
Новый жилец	81
Внучка	83
РАЗНОГОЛОСЬЕ	85
Кленовый лист, ажурный, яркий... ..	87
Зимнее утро.....	88
Весенний день	89
Осенью	90
Здравствуй, осень, в яблоках и перце.....	91
С годами больше тянемся к земле... ..	92
После дождя.....	93
Осень	94
Уносят крылья ласточку под небо.....	95
Ночь	96

Внуку	97
У каждого свои заботы... ..	98
Молчали птицы, ветки трепетали.....	99
Облака, как гимны белизне... ..	100
Уезжает человек любимый.....	101
Только под вечер зайди к нему с беседой...	102
В городе.....	103
Тишина	104
Соседка.....	105
Покинутое село.....	106
Инженер на покосе.....	107
Печка	108
В отпуске.....	109
Архыз.....	110
Уж веют тени на моем пути... ..	111
Несовершенен мир природы... ..	112
Белая ворона	113
В парке сужена дорога.....	113
В сентябре	114
Зимний день	115
Окно впускает целый мир... ..	116

Мнилось: звезды попадали в снег...	117
Когда ромашка каждым лепестком...	118
Бабушка в городе.....	119
Тюльпаны.....	120
У фермера	121
Не боюсь я Страшного суда.....	122
На серебристом фоне стекол.....	123
Зимнее утро.....	124
Заглушая песни, стон.....	125
Оттепель.....	127
В гостях на родине	128
Дантес.....	129
ВСЕ В МИРЕ СТАНОВИТСЯ ЗЫБКИМ	131
Качаются тонкие ветки.....	133
Вспомню детство, войной прожженное....	134
Осенью	135
Зимой.....	136
У чужого огня не согреться.....	137
Бессонница.....	138
В осеннем Спасском	139
Земля мала. Приемлет небо.....	140

Снег.....	141
Первый снег – объявление... ..	142
Смотрю на снег искрящейся зимой.....	143
Уж сколько раз меня природа.....	143
Могучий тополь вырос у дороги... ..	144
В блаженной тишине покоя... ..	145
Пасха.....	146
В середину октября... ..	147
Над рекою склоненная ива... ..	148
Памяти соседки	149
Осенней хмари вопреки.....	150
Ольга.....	151
Не хвалят поэты друг друга... ..	153
Трагическая быль	154
На подоконнике снаружи... ..	160
Серый сугроб в грязи.....	161
Старая береза	162
Кружит медленно над лугом... ..	163
Молитва.....	164
К посещению музея М. Цветаевой	166
Мне нравятся высокие деревья... ..	168

За границей	169
Когда не пишется, душа молчит.....	170
ЦВЕЛА ЧЕРЕМУХА	171
Черемуха	173
Отчего мне с тобою легко... ..	174
Болела его недугом... ..	175
Звонок.....	176
С кленов листья тихо опадали... ..	177
Неподвижна звезда над качелями.....	178
Воспоминание.....	179
Глаза закрою и увижу нас... ..	181
Развод	182
Другу	183
Про обиду ему рассказать... ..	184
И все же это счастье.....	185
У вокзала влажные глаза... ..	186
Горечь рябины, горечь рябины.....	187
Колдунья	188
Во сне Коле	190
Ревность	191
Позади случайные соблазны... ..	192

Колочая любовь.....	193
В тениях пустынная дорога.....	194
Знакомый московский вокзал... ..	195
Полыхает белым пламенем... ..	196
Джеймс Джойс.....	197
Снова гвоздит дорогу.....	198
Звуки Шопена над белым роялем.....	199
Ромашки, ромашки, цветы вы мои полевые...	200
Снег падал бесшумно и медленно.....	201
В кругу друзей	202
СО СМЕХОМ ПОПОЛАМ	205
Таракан	207
Пушкиновед.....	208
Песенка грызуна семечек	209
Мне стихи явились.....	210
Как мне не быть счастливой... ..	211
Иная капля пузырем.....	213
О пинг-понге.....	213
Пересменка	214
Состязание	215
Приехал сын.....	217

О поэтических сборниках.....	218
Диоген с фонарем человека искал.....	219
На дачу	220
Хрустальная рюмка.....	221
Интернетоман	222
Ропот.....	223
Одиночество	224
Смертная зависть.....	225
Графоман о пользе стихотворения	226
Демагог.....	228
СССР.....	228
Тридцать тысяч мне принес он.....	228
У нашего Антошки.....	229
Глаза в глаза смотрели.....	229
Мы поднимаемся все выше.....	229
Укоры совести, стыда... ..	230
Не ходи за мною, Коля... ..	230
Нашей бабушке Варваре.....	230
Говорит миленок мой... ..	231
Меня нынче на вокзале.....	231
Он мне в ухо прошипел... ..	231

Рыбаки	232
Мы с тобой мечтали, ах... ..	232
На балконе ха-ха-ха... ..	232

Серова Л.Д.
ИЗБРАННОЕ

Стихи

Редактор *Александр Петрович Сыров*

Подписано в печать 06.07.2016. Формат 60х84 1/32.

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.

Печ. л. 7,63. Тираж 150 экз.

Заказ 1174.

Отпечатано в типографии «БизнесПолиграфГрупп»
140014, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 8 (495) 554-21-86